

18+

РАСТЯМ ДЕНИСОВ

ДЕЛО №1 «СТАРЫЙ ТРАМВАЙ»

КНИГА ПЕРВАЯ

Растям Денисов

**Дело №1: «Старый
трамвай». Книга первая**

«Издательские решения»

Денисов Р.

Дело №1: «Старый трамвай». Книга первая / Р. Денисов —
«Издательские решения»,

1946 год, прибрежный город Кагура. Семнадцатилетний художник Кайто, рисуя старый трамвай у маяка, случайно замечает деталь, которая приводит его к разгадке таинственного исчезновения коллекционера и кражи ценностей из городского музея.

© Денисов Р.

© Издательские решения

Содержание

Дисклеймер	6
Предисловие	7
Глава 1. Трамвай на закате	8
Глава 2. С чего же всё началось?	12
Глава 3. Начало моего тайного расследования	17
Глава 4. Старая карта и горное озеро	22
Глава 5. Тайна горного озера	24
Глава 6. Тени прошлой ночи. Возвращение в школу	27
Глава 7. Книга в пепле	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дело №1: «Старый трамвай»

Книга первая

Растям Денисов

© Растям Денисов, 2026

ISBN 978-5-0071-1382-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-1381-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Дорогой читатель!

Настоящее произведение полностью является художественным вымыслом автора. Все имена, персонажи, события и организации, упомянутые в тексте, вымышлены или используются в художественном контексте. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями и организациями случайны.

Настоящее произведение не содержит пропаганды насилия, жестокости, наркотических средств, экстремизма, терроризма, а также иной информации, запрещённой к распространению Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 436-ФЗ (последняя редакция) и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Автор не одобряет и не поощряет описанные в романе противоправные действия, они изображены исключительно в сюжетных целях.

Книга предназначена для читателей старше 18 лет (18+).

Предисловие

Эта серия книг, которую Вы сейчас держите в руках, — не просто сборник воспоминаний. Это, если хотите, моя исповедь. Исповедь мальчишки, который неожиданно для себя стал детективом.

Всё началось с обычного трамвая, с рисунка, с чьей-то пропажи...

Я долго сомневался, стоит ли рассказывать эту историю, но однажды мой друг сказал мне: «Кайто, смотри за окном опять идёт снег... как и тогда, в те самые дни». И вот тогда я понял: пришло время для того, чтобы поделиться с Вами этими историями...

— Кайто, смотри за окном опять идёт снег, — сказал Юки, — как и тогда, в те самые дни.

Кайто вздрогнул. Именно этими словами он мысленно закончил своё предисловие минуту назад. Словно Юки прочитал его мысли.

— Надеюсь, Юки, что пути не занесёт снегом и я приеду вовремя, — сказал уставший Кайто.

— Я думаю, что мы будем вовремя. Снег только начался, и ты только посмотри какой он красивый за окном.

— Ты знаешь, я вот смотрю на свои старые зарисовки, и порой не узнаю сам себя, неужели я был такими милым и симпатичным.

— Да ты всегда был красивым Кайто, твой взгляд сколько молодых сердец погубил, так и ещё погубит, пока ты найдёшь своё счастье.

— Ты прав, возможно. И всё же детские фотографии позволят вновь окунуться в приятные воспоминания о беззаботном детстве. И вспомнить множество интересных историй, как например эту, про знаменитое «Трамвайное дело». И долго же нам пришлось тогда его распутывать. Я и не ожидал, что именно так всё закончится тогда.

— Кайто, а ты не думаешь написать про это книгу.

— Юки, мне кажется, что ты переоцениваешь мои способности в искусстве.

— Так ты же ходил на уроки живописи. Я помню твои прекрасные зарисовки, ты даже умудрялся нарисовать наши портреты, мне кажется, у тебя должна получится красивая и интересная книга.

— Ты знаешь, возможно, когда-нибудь, когда будет больше времени на творчество, я этим обязательно займусь. Ну, а так, хотя бы для начала нужно выпустить хоть небольшую статью, возможно с моими зарисовками.

— Я не сомневаюсь, что у тебя получится.

Следующая станция Кагура, — объявил по громкой связи машинист электропоезда.

— Кайто, мне пора выходить. Был рад увидеть тебя сегодня, заходи ко мне на днях, выпьем хорошего чая.

— С большим удовольствием Юки.

— Смотри не прозевай свою станцию Кайто, удачи тебе.

— Аригато.

Юки отправился к выходу, а Кайто продолжал разглядывать зарисовки и пометки в своей старой записной книжке.

Глава 1. Трамвай на закате

В 1946 году мне было семнадцать. Мы жили в городе Кагура в прибрежно-восточном государстве Аматори, что в переводе с древних языков означало «Небесный остров», у самого старого железнодорожного полотна, в доме, который чудом уцелел после бомбёжек.

Отец, Танака Хироши, начальник станции, повторял каждое утро: «Мы живы — это уже подарок небес». Он хотел для меня спокойной жизни. А я в то время хотел рисовать, и почему-то именно трамвай привлекал меня больше, чем природа.

Тот день выдался прозрачным и зябким. Август, ветер тянул с моря солёной свежестью, перемешанной с запахом сырой земли и мазута. Я сидел на старом деревянном пирсе у маяка — моего любимого места. Отсюда открывался весь залив: серо-голубая вода, пологая дуга набережной и рельсы, которые уходили вдоль берега к городу.

Трамвай здесь проходил по однопутному участку пути — это старое полотно, местами перекопанное, местами залатанное новыми шпалами — следы частой замены рельсов. Эти годы не пощадили железные дороги: одни участки восстановили, другие до сих пор зияли воронками, заросшими полынью.

Трамваи ходили редко, с хрипом и скрежетом, но каждый их рейс был маленькой победой над разрухой.

Рядом стояло старое трамвайное депо. Когда-то оно было гордостью города: красный кирпич, высокая крыша, широкие ворота для трёх вагонов. Теперь от него остался остов. Стены почернели от копоти, крыша кое-где провалилась, и сквозь дыры было видно небо. Внутри ещё стояли два ржавых вагона — их уже не восстановят, слишком дорого. Но кто-то повесил на ворота замок, будто депо ещё могло пригодиться. Местные поговаривали, что там иногда ночуют бездомные.

Маяк на мысу был белый, с красной полосой посередине — типичный японский береговой маяк, построенный ещё в тридцатые. Он работал. Его свет, тусклый и жёлтый, зажигался с наступлением сумерек и мерцал до рассвета. Маяк пережил бомбёжки.

Я развернул мольберт лицом к закату и начал набрасывать силуэт трамвая на фоне уходящего солнца.

На набережной было пустынно. Только вдали, у спуска к городу, брели несколько фигур. Усталые люди в потёртых пальто, с котомками, согнутые под тяжестью прожитого дня. Женщина несла в руках бумажный свёрток — наверное, рис или овощи по карточкам. Мужчина в старом пальто толкал велосипед с пробитой шиной. Они шли медленно, не глядя друг на друга, — каждый был погружён в свои мысли, в своё выживание. Город только начинал учиться жить заново — медленно, неуверенно, как человек после долгой болезни.

И на этом фоне — трамвай. Редкий, почти призрачный. Он появился из-за поворота у маяка, звякнул колокольчиком и, дребезжа, покатился по однопутке. Я улыбнулся. Этот звук — стук колёс о стыки рельсов, металлический лязг — был для меня музыкой.

Я уже заканчивал набросок вагона, когда за спиной раздался знакомый голос.

— Ты опять его рисуешь...? — спросил Юки.

Я не обернулся. Ветер донёс до меня запах его пальто — старого, но чистого, с едва уловимой ноткой нафталина.

— Это же наша история, потом вспоминать будем. Но вообще-то я ждал тебя совсем не для этого.

Он подошёл ближе. Я боковым зрением увидел, как он остановился у моего правого плеча — всегда с этой стороны, чтобы видеть, что я делаю. Юки засунул руки в карманы, его тёмные волосы растрепал ветер, но поза оставалась ледяной. Он всегда казался спокойным, даже когда

внутри кипела буря. На его лице — тонкие черты, чуть прищуренные глаза — читалась вечная сосредоточенность.

— Ты говорил, что портрет готов, — сказал он. — Я пришёл смотреть на него. А не на твой очередной вагон.

— Терпение, — усмехнулся я.

Солнце уже почти село, окрасив небо в багрянец и лиловый. Море за маяком казалось тёмным стеклом, по которому разбегались золотые дорожки. Где-то вдали, на горизонте, можно было разглядеть контуры другого берега — туманного, расплывчатого. Пахло водорослями, пресной водой и гарью — где-то в городе жгли мусор, как это часто делали.

Я аккуратно снял с мольберта лист с наброском трамвая и отложил его в сторону.

— Видишь? — сказал я, переворачивая мольберт обратной стороной. — Я рисовал не только трамваи.

На свет явился «Портрет друзей». Работа, над которой я корпел три недели. Уголь, сангина, немного белил для бликов. Я старался поймать не просто внешность, а суть.

Юки на секунду замер. Его взгляд скользнул по рисунку. Потом он хмыкнул и полез в карман пальто.

— Держи, — сказал он, протягивая мне красное яблоко. — Плата за работу. У матери в лавке взял.

Я поймал яблоко на лету.

— Щедро...

— Ты же знаешь, художникам всегда платят яблоками, — парировал Юки. — Это традиция.

Я надкусил. Яблоко было твёрдым, кисловатым, но после солёного морского ветра казалось невероятно вкусным.

Юки между тем подошёл к мольберту вплотную и наклонился к портрету.

— Ты меня серьёзным сделал, — сказал он, разглядывая собственное изображение. — Складка между бровей — ты думаешь, я всегда так хожу?

— А разве нет?

— Нет, — ответил он сухо. — Я так хожу только когда рядом со мной сидит какой-то художник и смотрит на меня, как на натюрморт.

Я чуть не поперхнулся яблоком.

— А ты себя посмотри, — Юки ткнул пальцем в моё изображение. — Светлые волосы, улыбка до ушей, карандаш за ухом. Вылитый герой дешёвого романа. Похоже, ты рисовал не нас, а то, кем мы хотим казаться.

— А кто мы на самом деле?

— Я — человек, который говорит «нет» три раза, прежде чем сказать «да». А ты — человек, который говорит «да» и только потом думает. — Юки отошёл на шаг и задумчиво потёр подбородок. — Но, если честно, я бы в жизни не стал стоять так прямо. Мои руки вообще никогда не скрещены на груди. Это же неудобно. Зачем ты меня таким сделал?

— Чтобы ты казался решительным! — возмутился я. — Для композиции нужно было чем-то занять пространство. Пустые руки — скучно.

— Пустые руки — это мои руки, — сказал Юки. — Я в них всё время что-то держу. Книгу, записи, портфель. А тут я как статуя. Только что не из бронзы.

Я посмотрел на портрет и вдруг понял, как он прав. Тот Юки — слишком серьёзный. Слишком пафосный. Слишком «величественный».

А настоящий Юки сейчас стоял рядом, с растрёпанными от ветра волосами, с кусочком сухой листвы на воротнике, который он сам не заметил, и смотрел на свой портрет с таким скепсисом, будто ему показывали двойника-неудачника.

Я засмеялся.

— Хорошо. Ты меня раскусил. А теперь скажи честно: я выгляжу таким дерзким на самом деле?

Юки прищурился и на секунду задумался с видом эксперта.

— Ты выглядишь так, будто только что выиграл спор, в котором никто не участвовал. — Он покачал головой. — Но я бы сказал... портрет хороший. Мы оба на нём слишком хорошие. В жизни мы так не выглядим. В жизни у нас усталые глаза, и мы говорим глупости, и я забываю зонт, а ты не слушаешь, что тебе говорят.

— Вот сейчас обидно было, — сказал я.

— Это не обидно, это факт. — Юки вытянул из-за пазухи ещё одно яблоко и надкусил. — Но за портрет спасибо. Даже если на нём я похож на директора банка. В доме у матери повешу. Будет висеть и пугать посетителей.

— Ты его повесишь?!

— Конечно. Чтобы все знали, какой я серьёзный. — Он ухмыльнулся. — Мне это помогает. Никто не задаёт лишних вопросов, когда видит такое лицо.

Мы ещё немного постояли в тишине, глядя на портрет. Ветер перевернул край бумаги, и изображение Юки на миг стало похоже на живого — уголок губ дрогнул, хотя это была всего лишь игра света.

Потом я вздохнул и снова развернул мольберт к наброску трамвая.

— Ну а теперь, раз ты всё увидел, разреши мне закончить вагон. Я хочу поймать этот свет.

Юки шагнул ближе, вглядываясь в набросок. Набережная, однопутка, старое депо с пробитой крышей, маяк на мысу. Солнце у горизонта, тени от столбов тянутся к востоку.

Он ткнул пальцем в нижний угол рисунка.

— Тень от столба падает на восток, — сказал он тихо. — Солнце почти село, а тени у тебя тянутся в обратную сторону. Ты вообще знаешь, где у тебя правая рука, а где левая?

Я замер. Я не заметил. Чёрт возьми, он был прав. Как всегда. Я увлёкся морем, цветами заката, отражением — и забыл про элементарную логику.

— Может, я так задумал, — буркнул я. — Художественный приём. Символизм. Тень, падающая не туда, — это метафора...

— Метафора ошибки, — перебил Юки. — Искусство — это прекрасно, Кайто. Но жизнь строится на фактах. И именно из таких «художественных приёмов» рождаются улики. В следующий раз рисуй факты, а не фантазии.

Я вздохнул и потянулся за ластиком.

— Ты невыносим, — сказал я. — Ты знаешь это?

— Знаю. И яблоко за это не отдам. Своё уже съел.

Я засмеялся, стирая ошибку. Ветер опять ударил в лицо, и на секунду мне показалось, что я — самый счастливый человек в этом разрушенном городе.

Пока я исправлял ошибку, закат окончательно угас. Небо стало тёмно-синим, почти чёрным, только у горизонта ещё тлела багровая полоска. На маяке зажгли свет. Жёлтый, дрожащий луч медленно повернулся и скользнул по тёмной воде. Трамвайный колокольчик снова звякнул где-то вдалеке — последний рейс уходил в город.

По набережной прошла женщина с ребёнком. Мальчик лет пяти тащил за собой игрушечный трамвайчик на верёвочке — самодельный, из жестяной банки. Женщина устало поправила платок и сказала ему что-то тихо, ласково. Мальчик улыбнулся, поднял игрушку и показал матери. Я поймал себя на мысли, что улыбка ребёнка — это то, чего не хватает этому городу.

Юки проследил за моим взглядом.

— Знаешь, — сказал он негромко, — странное время. Люди ходят как тени. И только такие, как ты, всё ещё видят красоту в ржавых трамваях и закатах.

— А ты? — спросил я.

— Я вижу факты. Что на месте депо теперь только стены. Что рельсы перекапывают дважды в месяц. Ты, Кайто, сидишь здесь и рисуешь, потому что это помогает тебе не сходить с ума. И это, наверное, единственная твоя правда, которая не нуждается в доказательствах.

Я усмехнулся и убрал ластик. Ошибка исправлена.

— Ладно, хватит философии. Я обещал показать тебе картину, ради которой мы здесь. — Я вытащил из папки другой лист — большой, тщательно выглаженный. — «Море, Маяк, Трамвай». Моя гордость.

На картине был тот же вид. Но не с натуры, а с душой. Тёплые краски, свет в окнах вагона, лёгкая дымка над водой. Трамвай стоял у депо, и его двери были открыты. А в правом нижнем углу, в размытом стекле, я изобразил едва заметную деталь: старый портфель, забытый на сиденье.

— Красиво, — сказал Юки. — Но что это? — он ткнул пальцем в портфель. — Почему ты его нарисовал?

— Сам не знаю, — честно признался я. — Просто увидел однажды... когда дежурил на станции с отцом. Кто-то оставил его в вагоне. Потом его забрали. Но в тот момент мне показалось, что это важно. Как будто он ждал своего хозяина.

Юки посмотрел на меня странным взглядом.

— Ты запомнил его. Не лицо, не одежду — портфель.

— Художник запоминает детали, — пожал я плечами. — Это моя работа.

Он хотел что-то сказать, но промолчал. Мы стояли у маяка, глядя на тёмное море. Ветер стал холоднее. Пора было собираться домой.

Я сложил мольберт, убрал рисунки в папку и застегнул куртку. Юки ждал меня на тропинке.

— Завтра увидимся в школе? — спросил он.

— Да. Мне нужно занести картину в городскую контору. Конкурс, помнишь?

— Помню. — Он кивнул. — Удачи, Кайто. Только смотри, чтобы тени падали правильно. Мы рассмеялись. Редкий случай.

Я пошёл домой по тёмной набережной. Сзади тускло горел маяк, слева шумело море, а справа — через рельсы — темнели развалины депо, где когда-то жили трамваи.

Неделю спустя картина заняла первое место на городском конкурсе. Её повесили в приёмной местной конторы, и отец гордился мной — впервые за долгое время. Мать даже всплакнула, когда увидела грамоту.

Стоит отметить, что эта картина долгое время выставлась в местной городской конторе. А затем сыграла важную роль в расследовании загадочного дела.

И как часто бывает у художника: то, что вы видите на одной картине, ещё не значит, что всё выглядит именно так, как вы это видите.

Многое сокрыто от широких глаз публики, и только истинные ценители, кто любит разглядывать картины часами, находят в них особый смысл, иногда даже разгадывая тайны и загадки, созданные художником. Такую необычную загадку мне и пришлось отгадывать в этом самом «Трамвайном деле».

Глава 2. С чего же всё началось?

Началось всё с того, что к нам в город Кагура, что с древних языков означало «Божественная музыка» приехал известный ценитель редкостей и картин Такахаси Кодзо — заядлый коллекционер. Говорят, его привлекали различные артефакты и старинные вещи. Многие магазины, особенно местные ломбарды, были рады его приезду; в эти дни они даже поднимали цены на товары.

Однако биография Такахаси Кодзо была непростой. Обладая большим состоянием, он знал, что является «добычей», поэтому все свои торги вёл через помощников — никто не видел его в лицо. Те же, кто видел его хотя бы мельком, описывали его одинаково: мужчина традиционной японской внешности, пожилой, лет шестидесяти пяти. Худой, невысокого роста, всегда в чёрном костюме с высоким воротником, на котором искусно вышит золотом дракон — символ власти и скрытой угрозы. Волосы тёмные, лицо строгое, уверенное, с пронзительным взглядом, от которого становилось не по себе. Говорили, что он никогда не улыбается и смотрит так, будто видит человека насквозь.

Мне удалось видеть его лишь однажды, мельком, когда он выходил из машины у старого ломбарда на улице Сакура. В тот день я как раз писал картину на набережной и случайно обернулся. Чёрный силуэт, золотой дракон, сверкнувший на солнце, и тяжёлый, изучающий взгляд, который на мгновение встретился с моим. Мне стало не по себе — словно он не просто смотрел, а оценивал, запоминал, откладывал в свою картотеку. Потом помощник что-то сказал ему, и он отвернулся, скрывшись в дверях ломбарда. Но то ощущение — будто меня просветили насквозь — осталось на весь день.

Среди местных ходил ещё один слух, который обсуждали вполголоса в очередях за хлебом и на трамвайных остановках. Говорили, что Такахаси Кодзо вернулся в наш город не только ради редких вещей. Якобы он ищет своего сына, которого бросил в младенчестве много лет назад. Никто не знал, правда это или нет, но детали были слишком живыми: будто бы мать мальчика была из этих мест, и старый коллекционер надеялся найти наследника, чтобы передать ему своё состояние и, возможно, свои тайны. Одни считали это трогательной историей, другие — ложным следом, который он сам же и распустил, чтобы отвлечь внимание от настоящих целей.

В тот период я сильно увлекался китайской живописью и рисовал местный деревянный павильон. Сентябрь выдался тёплым, золотая осень только начиналась. Мне удалось уговорить позировать моего друга из танцевальной школы, и мы провели весь день у павильона, ловя мягкий свет.

Вечером того же дня я стоял на остановке и ждал трамвай. Накрапывал осенний дождь — мелкий, противный, который пробирается под воротник и заставляет ёжиться. Фонари горели тускло — половина из них до сих пор не работала после войны, и в их жёлтом, дрожащем свете капли дождя казались серебряными нитями.

Я ждал. Пять минут. Десять. Двадцать.

Трамвая не было.

Пассажиров на остановке почти не осталось — разбрелись кто пешком, кто пересел на другой маршрут. Остался только я и старик с тяжёлой сумкой, который уже клевал носом. Город после войны жил по странному расписанию: днём — суeta, очереди, попытки наладить быт; вечером — тишина, пустые улицы, только редкие силуэты людей, спешащих домой до темноты. Светомаскировка уже не действовала, но привычка не зажигать лишних огней осталась. Казалось, сам воздух ещё помнил гул бомбардировщиков. Так не дождавшись трамвая мы отправились по домам под уже почти проливным дождём. Я помог донести тяжёлую сумку старому старику.

Дождь шёл всю ночь. Утром небо оставалось таким же хмурым. Собираясь утором в школу, я решил вновь дожидаться свой любимый трамвайный вагон, но в то утро, прождав на остановке более двадцати минут я его так и не дождался. Хотя в это время, обычно, он уже выходил из депо.

Вновь не дождавшись первого трамвая, я уже хотел пойти пешком, когда на противоположной стороне улицы появился мальчишка. Он бежал, прижимая к груди стопку газет, и кричал на всю набережную:

— Утренний выпуск! Сенсация! Пропали ценности из городского музея! Полиция ведёт расследование!

Я перебежал дорогу, не глядя по сторонам.

— Эй! — окликнул я его. — Подожди!

Мальчишка остановился. Ему было лет двенадцать, мокрые волосы прилипли ко лбу, худые руки дрожали от холода. Его куртка была ему велика — явно не его, чья-то старая, с чужого плеча. Таких детей после войны было много. Они продавали газеты, чистили обувь, носили тяжёлые сумки — всё, чтобы помочь семьям, которые потеряли кормильцев. Но глаза у этого мальчишки горели азартом — он знал, что держит в руках главную новость дня.

— Что там? — спросил я, показывая на газету. — Что за ценности?

— А ты купи! — он ловко подмигнул. — Тогда и узнаешь.

Я сунул руку в карман и понял, что денег нет. Карманные деньги были редкостью — всё уходило на карточки, на рис, на овощи, на самое необходимое.

— Слушай, — сказал я, вытаскивая из сумки бумажный свёрток, — денег нет, но есть обед. Два рисовых колобка и яблоко. Моя мать собирала. Пойдёт?

Мальчишка посмотрел на свёрток, потом на меня, потом снова на свёрток. Глаза его стали серьёзными.

— А там с начинкой? — спросил он с подозрением.

— С рыбой.

— Пойдёт! — сказал он и протянул мне газету. — Теперь хоть до дыр зачитывай.

Я схватил газету, развернул её прямо под фонарём. Дождь тут же начал размывать печатные строки, но я успел прочитать главное:

«Крупная кража в городском музее. Похищены реликвии неизвестной ценности. Пропал коллекционер Такахаси Кодзо. Старший инспектор Юншэн уверяет: расследование на контроле».

Всё.

Никаких подробностей. Никаких имён. Только мутные заголовки и успокаивающие фразы. Типичная для того времени газетная сдержанность — правительство боялось паники, боялось слухов, которые могли подорвать и без того хрупкое спокойствие.

— Эй, — спросил я мальчишку, пока он прятал мой обед в свою сумку, — ты что-нибудь слышал о коллекционере? Он правда пропал?

Мальчишка заговорщицки понизил голос:

— Мой старший брат работает в порту. Говорят, вчера вечером видели чёрную машину у старого депо. А сегодня утром — ни машины, ни коллекционера.

Я оглянулся по сторонам, как будто боялся, что кто-то услышит.

— И ещё... трамвай пропал. Возможно, что уже вчера..., но об этом молчат, даже в газету не дают.

— Какой трамвай? — переспросил мальчишка.

— Ну, тот самый, старый, что у маяка ходил. — Мальчишка пожал плечами. — Мы же его все знаем: красный, с номером №А1033. Я сам видел его вчера днём, когда домой шёл. Но вчера вечером, его на линии уже не было... Тот самый трамвай. Номер №А1033. Тот, что я рисовал на прошлой неделе. Тот, что стоял на моей картине с портфелем в окне.

— А больше ты ничего не знаешь? — спросил я.

— Больше ничего, — мальчишка поднял воротник куртки. — Но, если что узнаю — скажу. Ты ж меня яблоком угостил.

Он развернулся и побежал дальше, звонко выкрикивая:

— Утренний выпуск! Пропали ценности! Полиция ведёт расследование!

Я остался стоять под фонарём, держа промокшую газету в руках. Дождь всё шёл. Где-то вдалеке, у разрушенного депо, ветер гнал по рельсам сухие листья. Город только просыпался. В окнах ещё горел редкий свет.

И в моей голове уже рождался план. Уже через 30 минут я успел добежать до входа в городской музей. Здание было невысоким, старым, с колоннами и потрескавшимися ступенями. Обычно здесь былолюдно — школьники, работники, идущие вдоль здания к уцелевшим заводам, но сегодня у входа стоял полицейский, и над дверями висела табличка: «Закрето по техническим причинам».

Я сделал вид, что просто прохожу мимо, но краем глаза заметил, как из дверей вышел высокий мужчина в тёмно-синей форме. Он остановился, чтобы поправить фуражку, и я узнал его.

Инспектор Танака Юншэн. Собственной персоной. Я видел его фотографию в газетах не раз, но вживую он производил совсем другое впечатление. Газетные снимки были плоскими, чёрно-белыми, а здесь — живой человек, и от него исходила та особая энергия, которую не передашь на бумаге.

Он стоял на верхней ступеньке, чуть повернувшись к солнцу, и я мог рассмотреть его в деталях.

Ему было чуть за тридцать. Возраст, когда молодость уже позади, но опыт ещё не превратился в усталость. Его лицо — тонкое, с чёткими линиями — хранило следы многих бессонных ночей. Не морщины, скорее — тени, которые появляются у людей, привыкших много думать и мало спать.

Короткие, аккуратно уложенные тёмные волосы — никакой небрежности, никаких лишних прядей. Человек, который привык контролировать каждую деталь своей внешности, потому что знает: внешность — часть работы. Прямой, чуть пристальный взгляд серых глаз — таких глаз, которые, кажется, видят больше, чем им показывают. Не резкий, не давящий, но внимательный. Он не смотрел на человека — он его читал. Считывал жесты, мимику, позу, дыхание. И делал выводы за секунды.

Черты лица были тонкими, почти аристократичными — высокие скулы, прямой нос, чётко очерченные губы. Но в этой красоте не было мягкости. Скорее — внутренняя собранность, умение не поддаваться эмоциям даже в самых напряжённых ситуациях. Таким лицом обладают люди, которые видели смерть, видели предательство и перестали удивляться человеческой низости. Но в глубине глаз — в том, как они чуть теплели, когда он смотрел на старую черепичную крышу напротив, — угадывалась связь с городом. Он знал эти улицы. Любил их, наверное. По-своему.

Он был невысоким — примерно моего роста, что для меня, семнадцатилетнего, было удивительно. Но его осанка, прямая спина, чуть приподнятый подбородок делали его визуально выше. Он стоял уверенно, но не напряжённо. Руки спокойно сложены за спиной, пальцы слегка сцеплены — жест человека, который готов действовать в любой момент, но не торопится, предпочитая сначала всё взвесить.

На его тёмно-синей форме — золотые пуговицы, аккуратно начищенные до блеска. На груди — планки наград и нашивки. Они говорили о годах службы, но не о выслуге. Каждый знак здесь был следом конкретного дела. Я насчитал пять планок. Пять серьёзных дел. Может быть, больше.

На левом запястье — строгие часы с тёмным кожаным ремешком. Обычные, без излишеств. Для него время было не просто фоном событий, а инструментом, который нужно использовать точно. Таким людям нельзя опаздывать. Они не прощают этого другим.

Рядом с ним стояла пожилая женщина в строгом тёмном платье — директор музея, госпожа Мацумото Рико. Она выглядела измотанной: глаза красные, руки сжаты в кулаки, плечи опущены. Юншэн что-то говорил ей тихо, но настойчиво. Я подошёл ближе, стараясь ступать бесшумно, и притворился, что рассматриваю трещину в стене.

— Я не понимаю, — сказала директор тихо, но я услышал каждое слово. — Почему вы не сообщаете, что именно пропало? Люди должны знать правду.

— Людям достаточно знать, что расследование идёт, — спокойно ответил Юншэн-сан. Голос его был низким, ровным, без лишних интонаций. Таким голосом говорят люди, которые привыкли, что их слушают. — Если я скажу, что именно пропало, преступник может изменить свои планы. Или продать вещи раньше, чем мы успеем их найти. Кроме того, — он сделал паузу, и в голосе появилась лёгкая насмешка, — в городе и так достаточно слухов. Я не хочу добавлять им топлива.

— Но это же моя ответственность! — её голос дрогнул. — Я отвечаю за каждый экспонат. Я составляла описи, я знаю каждую вещь в этом музее, как свою семью. И вдруг — пропажа. И вы мне ничего не говорите!

— Госпожа Мацумото, — перебил её Юншэн-сан, и в его голосе появилась та интонация, от которой, наверное, замолкали самые упрямые свидетели. Это не был крик или угроза. Это была ровная, почти бесстрастная интонация, в которой слышалась неизбежность: он докопается до истины, сколько бы слоёв лжи ни пришлось снять. — Я понимаю вашу тревогу. Я понимаю, что вы чувствуете себя оскорблённой. Но сейчас лучшее, что мы можем сделать, — не создавать паники. И не подсказывать преступнику, что именно у него в руках. Если вы мне доверяете — доверяйте до конца.

Она вздохнула, опустила плечи и промолчала.

Я сделал ещё шаг ближе и нечаянно наступил на сухую ветку. Хруст прозвучал в тишине как выстрел.

Юншэн-сан резко обернулся. Его взгляд упёрся в меня — и на мгновение мне показалось, что он знает обо мне всё: кто я, где живу, что делал вчера вечером и какую газету читал сегодня утром. Я почувствовал себя прозрачным.

— Мальчик, — сказал он, глядя прямо на меня. — Ты что-то ищешь? Почему не в школе?

Я мог бы соврать. Мог бы сказать, что жду друга. Но что-то в его взгляде — пристальном, спокойном, чуть усталом — заставило меня сказать правду.

— Это же Кайто, наш юный талант!

Старший инспектор Юншэн строго посмотрел на директора музея. Госпожа Мацумото продолжила:

— Он и его друг Юки, помогают нам восстанавливать старые схемы и чертежи. Они действительно умеют видеть детали, которые другие часто пропускают, потому что они привыкли работать с выцветшими документами на железнодорожной станции отца.

— Да... я художник-стажёр, — ответил я, стараясь говорить уверенно и поклонился в знак приветствия. — Танака Кайто. Мой отец — начальник станции, Танака Хироши.

Юншэн-сан слегка приподнял бровь. Этот жест был почти незаметным, но я его заметил. Он запоминал моё имя.

— Художник-стажёр, говоришь? — Он на секунду задумался, потом повернулся к директору музея: — Госпожа Мацумото, мы продолжим разговор позднее. Позвольте мне побеседовать с молодым человеком.

Она кивнула, бросила на меня быстрый взгляд и ушла внутрь, плотно прикрыв за собой дверь.

Юншэн-сан шагнул ко мне, и я почувствовал его близость. Он был невысоким, но в его присутствии я чувствовал себя маленьким.

— А вы проверяли отпечатки пальцев на дверях музея? — я выдавил из себя фразу, которая, пожалуй, выбеживала каждого сотрудника полиции хоть раз.

И на каком основании, Танака-кун, ты считаешь, что это твоё дело? — спросил он. Голос был ровным, но я услышал в нём любопытство.

— Потому что я рисовал этот трамвай, — сказал я. — Номер №A1033. Красный, старый, с облупившейся краской. Он пропал вчера вечером. И газеты об этом молчат.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес? Или, может быть, узнавание. Он смотрел на меня так, будто что-то припоминал.

— Инспектор, а вы снимали отпечатки пальцев с витрин? — продолжал я между делом свой «допрос».

Он удивлённо посмотрел на меня.

— Откуда ты знаешь про отпечатки?

— Читал в книгах.

— Да, мы сняли несколько. Но они не совпадают ни с кем из базы. — Так ты меня отвлёк. Значит ты рисовал трамвай номер №A1033? — переспросил он медленно. — И когда же?

— На прошлой неделе. Там, у маяка. Я сидел на пирсе и рисовал закат. Трамвай стоял у депо, я зарисовал его. А потом я закончил картину, на которой он был с...

Я запнулся.

— С чем? — его голос стал острее.

— С портфелем, — выпалил я. — В окне трамвая я нарисовал старый портфель. Он лежал на сиденье. Я запомнил его, потому что это было странно.

Юншэн-сан сделал шаг назад, и на его лице впервые появилось выражение, которое я не мог прочитать. Он смотрел на меня так, будто я только что решил задачу, которую он сам не мог решить несколько дней.

— Портфель, — повторил он тихо. — В окне трамвая. — Он помолчал, разглядывая меня с новым интересом.

В этот момент он достал свой увесистый, но маленький блокнот и что-то записал в нём, затем развернулся и пошёл по ступеням вниз, к машине. Я стоял и смотрел ему вслед. Спина прямая, походка уверенная — человек, который знает, куда идёт.

И уже в тот момент я знал: мы ещё не раз встретимся. Потому что у меня было то, чего не было у полиции, — картина, а у него было то, чего не было у меня, — власть и опыт.

Глава 3. Начало моего тайного расследования

Для начала моего тайного расследования мною было принято решение сразу после школы отправиться в трамвайный парк, чтобы проверить: может быть, тот самый исчезнувший вагон просто поставили на запасной путь или вообще отправили на утилизацию.

Весь день в школе прошёл в ожидании вечера. Наконец удалось подобраться к трамвайному депо. Благодаря большому количеству друзей, попасть туда не составило особого труда.

Пришлось сказать, что готовлюсь к очередному художественному конкурсу и есть идея, как ещё изобразить трамвайные вагоны в депо. Тем более что всё необходимое в виде кисточек, мольберта и красок было при себе.

— Можно мне взглянуть на журнал учёта подвижного состава? — попросил я у начальника депо. — Мне нужно знать, когда этот вагон был на ремонте, чтобы правильно его нарисовать. Он пожал плечами и протянул мне толстую книгу. Я пролистал страницы и нашёл запись: «№А1033 — списан на ремонт 15 сентября». Но сегодня было 20-е. Если вагон отправили в ремонт ещё до того, как он пропал, — значит, запись была ложной».

В углу депо я увидел старого механика, который чинил тормозную систему другого вагона. — Вы не помните, когда видели красный вагон №А1033 в последний раз? — спросил я. — Помню, — ответил он, вытирая руки ветошью. — Три дня назад он стоял на третьем пути. А ночью его кто-то угнал. Я слышал, как завели мотор, но не придал значения — мало ли, ночной рейс».

Мне разрешили находиться там не более часа, так как скоро должно было стемнеть, а затем нужно чистить и убирать вагоны, готовить их к завтрашним рейсам. Разумеется, что я согласился и отправился исследовать трамвайный парк.

Обойдя быстрым шагом всю территорию, исчезнувший трамвай найден не был. Его бортовой номер был известен №А1033, внешний вид тоже (ведь приходилось рисовать его раньше), но в парке его не оказалось.

Найдя удобную позицию, быстро разложил мольберт и краски, и уже через несколько мгновений работа была почти закончена. Когда к мне подошли, чтобы напомнить про время, то удивились, насколько красиво всё получилось. Они не знали, что основная заготовка была сделана ещё дома. Не найдя никаких зацепок, мне пришлось отправиться домой в расстроенных чувствах, но уже с чётким планом на завтра: иду в музей, чтобы решительно узнать, что пропало из музея в тот роковой вечер.

Всю ночь, как помнится, строились различные догадки... я ворочался с боку на бок... мысли не давали уснуть, и под утро удалось провалиться в сон.

Проснувшись, невозможно было узнать себя в зеркале: лицо и глаза выглядели отёкшими — я настолько не выспался, что мне не хотелось идти в школу. Однако родители, посмотрев строгим взглядом, отправили меня учиться.

А почему мне запомнился этот день? Потому что в то утро меня решили сфотографировать на новый фотоаппарат, который купил отец. И первое утреннее фото получилось именно таким «запоминающимся».

Придя в школу, лицо особенно не изменилось. Конечно, если всю ночь не спать. В этот день ещё и были самые сложные предметы: химия и физкультура. На химии нужно было делать практическую работу. Появился страх, что из-за рассеянности в этот день я мог смешать явно что-то, не то, что нужно, и получить взрывоопасную смесь, которая уничтожит всё вокруг.

Пришлось сделать жалобное лицо и просить о помощи друзей. Неизвестно, насколько это было жалостливо, но всё же, как они потом утверждали, таким жалостливым меня им ещё никогда не приходилось видеть.

Химию мне помогал делать Сато Хироши. Он был лучшим в классе, кто понимал на тот период этот предмет. За это мне пришлось угостить его своим обедом. И, оставив себя без сил и возможности подкрепиться, мне пришлось применить все свои театральные умения, выработанные в танцевальной студии, чтобы изобразить, насколько сильно у меня болят ноги, что я якобы натёр мозоль и теперь не смогу играть в баскетбол. Мне удалось выскользнуть из поля зрения учителя, и я просто уснул на поле. Мой крепкий сон был нарушен тем, что меня растолкал Юки, который стал допытываться расспросами.

— Кайто, ты что, это весь день такой задумчивый, сонный? Что-то случилось? Почему ты не спал всю ночь? — беспокоился обо мне Юки.

Я, конечно же, пытался сохранить свой секрет в тайне — что пытаюсь расследовать дело. Но Юки был и остаётся моим самым верным другом, с которым я просто обязан был поделиться.

Поведав ему свои теории, он светился от счастья и стал настаивать, чтобы я взял его к себе в «следственную группу». Взамен он пообещал помочь мне с математикой. На тот момент я не мог не согласиться на столь выгодное для меня предложение, тем более что есть великая мудрость: «Одна голова хорошо, а две — лучше».

— Кайто, а ты уверен, что тебе так просто расскажут, что украли из музея? — с уверенностью спросил Юки.

— Не думаю, но у меня есть план. Можно пройтись по залам музея, проверить все выставки, и так мы сможем вычислить, чего не хватает.

— У меня есть идея получше, — сказал Юки. — Помнишь, ты говорил про свой клуб танцев, что там одни сплетники? Так вот, сплетники есть на каждом предприятии, в каждой организации, нужно только их найти. И они тебе расскажут все последние новости.

— Ага, Юки, прям так возьмут и всё расскажут.

— Кайто, для того чтобы получить нужную информацию, нам нужно или обладать ещё более ценной информацией — тогда сплетнику захочется её получить. А ты сам мне говорил, что только ты заметил исчезновение трамвайного вагона, и мне кажется, что нужно просто правильно подать эту информацию.

— Юки, а это хорошая идея. Ты гений!

С этим планом мы и отправились в городской музей.

Задавать прямые вопросы госпоже Мацумото Рико было бы неуместно: ведь её уже допрашивала полиция. И тем более мы всего лишь старшеклассники, рассказывать нам правду было бы не в её интересах. Поэтому для роли «сплетника» мы выбрали старого господина Накамура Кендзи. Он уже давно работал в этом музее, ещё до прихода сюда директором госпожи Мацумото, при нём сменился уже третий или даже четвёртый директор. А значит, он знает о музее больше, чем все его директора.

— Господин Накамура, мы так рады видеть Вас в здравии. Мы слышали, что полиция уже ищет грабителей. Об этом писали в газетах.

— Конечно, ищут.

— Господин Накамура, мы прочитали все городские газеты, но нигде не упоминается, что именно пропало из музея.

— Как так? — удивился Накамура. — Возможно, так нужно, чтобы быстрее найти похитителей.

— Понимаете, нам кажется, что полиция может пойти по ложному следу.

— Это почему вы так решили?

— Дело в том, что у нас есть информация, которую мы не можем обнародовать, так как... — в этот момент задумался я, и Юки продолжил:

— Но для того, чтобы подтвердить нашу теорию, мы должны знать, что именно похитители взяли их городского музея.

— Вы же понимаете, что я так просто тоже не могу вам сказать. И мне кажется, что вы не должны совать в это дело свой нос. Тем более что полиция уже занимается расследованием.

— Но полиция не знает, что был похищен трамвай!

— Как не знает? Знает, мы же им говорили... ой... — В этот момент господин Накамура прервал фразу и дальше, насупившись, стал ещё более сурово смотреть на нас.

— Юки, как ни в чём не бывало, обратился ко мне: — Кайто, расскажи господину о трамвае.

— Да, расскажите уж, коль начали.

— Господин Накамура, я вчера был в городском трамвайном депо. Я проверил и теперь могу с уверенностью сказать, что трамвай, который я рисовал на картине под бортовым номером №А1033, исчез. Он исчез в тот же вечер, что и господин Такахаси Кодзо, и в этот же вечер произошло ограбление вашего музея. Мне кажется, что все три исчезновения как — то связаны между собой.

— Тише, говори тише! О таком нельзя говорить так громко. Вас могут услышать и обвинить.

— В чём нас могут обвинить? — с удивлением поинтересовался Юки.

— Обвинить в том, что вы мешаете мне работать, — громко сказал господин Накамура, завидев, что к ним приближается госпожа Мацумото.

— Добрый день, Кайто. Рада тебя видеть, — сказала госпожа Мацумото.

Мы с Юки быстро поклонились.

— Кайто, я слышала, что ты делаешь новую работу в трамвайном депо, — сказала она.

— Да... — почти шёпотом сказал я. — Но как вы узнали об этом?

— Я проходила там вечером и увидела тебя с мольбертом. Я подумала, что ты делаешь новые наброски.

— Вы правы, госпожа Мацумото.

Юки стал дёргать меня за пиджак, намекая, что нам пора уходить. Но я не смог удержаться и решил повторить ранее сказанную версию уже для госпожи Мацумото:

— Госпожа Мацумото, я действительно вчера был в городском трамвайном депо и делал наброски для новой картины, но также я проверил и теперь могу с уверенностью сказать, что трамвай, который ранее был изображён на одной из моих картин под бортовым номером №А1033, исчез. Он исчез в тот же вечер, что и господин Такахаси Кодзо, и в этот же вечер произошло ограбление вашего музея, и мне кажется, что все три исчезновения как-то связаны между собой.

Теперь уже оба работника музея, посмотрев друг на друга, поняли, что просто так мы отсюда не уйдём.

— Вы понимаете, что это очень громкое заявление? — сказала госпожа Мацумото. — Дело ведёт городская полиция, подключены лучшие сыщики. А вы всего лишь старшеклассники.

— Да, но нигде не упоминалось о том, что пропал трамвай! — воскликнул Юки. — Это заметил только Кайто.

— Два трамвая... — прошептал господин Накамура.

— Что? Зачем? — грозно спросила госпожа Мацумото. — Вы что, им уже всё рассказали?

— Нет. Но мне кажется, им нужно рассказать. Молодёжь в наше время более продвинута. У них больше возможностей. Если мы сейчас будем молчать, они всё равно начнут исследовать дальше и докопаются до истины. Тем более что об исчезновении одного трамвая они уже знают. Другие об этом даже не догадываются.

— Госпожа Мацумото, пожалуйста, позвольте нам узнать. Мы честно никому не расскажем. Нам так же, как и вам, важно вернуть ценность на место и главное — вернуть городу

его трамвай, который стоит тоже немалые деньги, а имущество городское куплено на деньги налогоплательщиков, то есть наши кровные, — сказал Юки.

— Ну что ж, тогда пусть господин Накамура вам всё расскажет. В любом случае полиции я уже всё рассказала. И мне кажется, что шансов вернуть эту реликвию мало.

— Кайто, пропала модель трамвая, про который ты говорил. Мы отправили её на реставрацию в прошлом месяце. Однако, когда пришло извещение, что изделие вновь доставлено к нам, посылка оказалась пустой. Мы расценили это как кражу и вызвали полицию. У нас в музее сохранилась лишь фотография.

Юки и я стали внимательно рассматривать фотографию. Затем я сделал пару набросков в свой блокнот, чтобы можно было попытаться отыскать эту модель, если вдруг мы увидим её на каком-то из аукционов.

— И это всё? Украли только одну модель?

— Да, — со вздохом сказал господин Накамура.

— Спасибо вам за помощь.

Мы поклонились и вышли из музея через главный вход.

Мы отправились с Юки к маяку. По дороге каждый был в своих мыслях. Но добравшись до маяка и поняв, что рядом нет никого и нас никто не может услышать, мы почти в один голос сказали друг другу: «Они лгут!»

— Кайто, мне кажется, что они нам что-то недоговаривают.

— Юки, я тоже так думаю. Я уверен, что из музея похитили что-то ещё. Не думаю, что ради одного лишь макета полиция будет заводить уголовное дело и подключать лучших сыщиков.

— Мне тоже так кажется, но как нам проверить?

— Юки, нам нужно отправиться в библиотеку. Там должны быть старые архивные газеты. В них раньше часто писали, если что — то новое выставляли в нашем музее. Мне кажется, если украли макет именно трамвая, то нужно искать что — то, связанное именно с ним.

— Кайто, я согласен с тобой.

Следующий день мы провели в библиотеке в поисках архивных документов, и, надо сказать, что нам удалось кое — что найти.

Оказывается, когда в наш городской музей привозили целые исторические полотна, написанные мастерами, на которых изображался первый городской трамвай, была интересная особенность: часть картин была написана, а другая часть вышита специальными золотыми нитями.

— Что же, получается, что похитители скорее всего украли не только макет, но и эти драгоценные полотна?

— Я думаю, что да. Золото всегда было в цене.

— Но вот задача: где же найти трамвай...

Этим вечером мне было грустно как никогда: казалось, я никогда не смогу распутать это дело.

Приближались выходные, и я решил с утра отправиться к своему любимому месту, где можно было побыть в тишине и порассуждать о «Трамвайном деле».

По пути мне попались наши почтальоны, что разносили утреннюю почту.

— Эй, Кайто, ты не в ту сторону идёшь? — спросил меня господин Ямамото Такеши. Он работал на нашей почте уже давно и знал меня с детства.

— Да, господин Ямамото. Вам чем — то помочь?

— Да. Помогите разнести газеты по новому кварталу. Там много новых домов, я иногда даже путаю их адреса.

— Да, конечно, помогу.

Я с лёгкостью разнёс почту. Мне было приятно, что я доставляю утреннюю свежую прессу, словно горячие пирожки. От этих мыслей о «горячих пирожках» аж есть захотелось.

По пути решил заглянуть в ресторанчик тётушки Сато Эмико.

Ресторанчик старый, а вокруг уже новые дома.

Её ресторанчик выходит на улицу Сакурагаока, где пересекаются два разных маршрута: один следует до маяка, а другой — к городскому парку. На каждом маршруте ходят свои трамваи, отличающиеся по форме и окраске кузова. Был выходной, поэтому народу было мало, и я так и сидел у неё... пока меня не осенила мысль.

Внимательно изучив старую картину, написанную красной тушью, я пришёл к выводу, что на ней изображён старинный дом с классической крышей. Но я такой не видел раньше в нашем районе.

А так как картина была посвящена пуску трамвая в нашем городе, значит, и этот дом должен быть в нашем городе. Теперь нужно было выяснить, где раньше находился этот дом и существует ли он сейчас. Возможно, это прольёт свет на дальнейшее расследование.

Мы с Юки обошли несколько старых домов, где у входа часто сидели старики.

— Вы помните старую трамвайную линию в горах? — спрашивал их Юки.

— Помню, — отвечали многие из них, прищурившись — Там ходили вагоны до войны.

— А потом её закрыли. Говорили, что её используют для чего-то тайного. Там есть подземный туннель, но я никогда там не был.

С их слов, мы несколько раз пытались зарисовать «ходы» подземных туннелей, но... у нас получался настоящий лабиринт, то ли нам ввали, то-ли говорили пугающую для нас правду.

Однако, чтобы узнать историю дома на картине, мне нужно было найти человека, который прожил бы в этом городе в то время. Но трамвай запустили очень давно, и этому человеку должно быть уже более ста лет; найти такого практически невозможно.

Глава 4. Старая карта и горное озеро

Вечером мы решили встретиться с Юки.

— Юки, как нам найти человека, который бы знал всё про наш район? — растерянно спросил я его в тот вечер.

— Кайто, а твои бабушка и дедушка могут знать?

— Не думаю, мы переехали в этот район, когда мне исполнилось уже пять лет.

— Кайто, а если нам спросить у госпожи Ямагучи Ханами? Она работает в нашей школьной библиотеке. Мне кажется, она работает с основания школы. Раз она увлекается книгами, возможно, она что-то где-то читала.

— Юки, а ведь ты прав. Как-то мне рассказывали, что в молодости она заведовала городским архивом. Мне кажется, она точно должна что-то знать.

В этот день мы сразу после окончания уроков отправились в библиотеку.

Госпожа Ямагучи сидела в красивом кимоно и аккуратно выводила чёрной тушью иероглифы для заголовка к выставке книг. Мы поклонились и присели рядом.

— Чего изволите, господа? Книжку хотите почитать?

— Госпожа Ямагучи, мы бы хотели узнать, известно ли Вам, как менялся наш район.

— Конечно. Время так быстро проходит, сейчас многое изменилось, появились новые здания и открылись магазины. А что конкретно вы хотите узнать?

— Мы нашли старинную гравюру, на которой изображён один из первых трамваев нашего города, рядом с ним храм, словно дворец. Мы бы хотели узнать, где он находился.

— Как приятно видеть, что молодые люди интересуются историей своего города. Позвольте взглянуть.

Она взяла в руки мою записную книжку, где я сделал свой набросок. Долго всматриваясь в него и проводя пальцем по контуру рисунка, она подняла на нас свои глаза, и мы почувствовали особый трепетный взгляд госпожи Ямагучи.

— Вы сможете нам помочь? — нетерпеливо спросил Юки.

— Таких зданий раньше было много, но здесь очень необычная форма крыши и орнамент. Если вы посмотрите внимательно, это специальный павильон. Такие раньше строили на конечных остановках. Потом их стали заменять на современные остановочные комплексы, ведь те деревянные требовали особого ухода.

— Когда я работала в городском архиве, там хранились карты, созданные для горожан. Эти карты трамвайных маршрутов значительно отличаются от современных. Если вы сходите в архив, мне кажется, вы сможете их найти. Я напишу вам номер каталога, в котором искать, так вам будет проще и быстрее отыскать нужную информацию.

— Спасибо большое, госпожа Ямагучи, за то, что помогли нам.

Мы попрощались с госпожой Ямагучи и отправились в городской архив. Там мы действительно нашли старые карты, как и говорила госпожа Ямагучи: они значительно отличались от современных маршрутов движения трамваев. Теперь нам оставалось более внимательно их изучить, чем мы и занялись уже к вечеру с Юки.

Изучая несколько старинных карт, я обнаружил, что некоторые маршруты менялись, но некоторые долгое время не изменялись, хотя затем и они исчезали с карты.

Попытки наложить современную карту города на старинные тоже не давали ответа. Я понимал, что нужно обойти старые маршруты по городу. Для этого мероприятия мы решили потратить все выходные. Задача оказалась достаточно сложной.

Мы блуждали по городу целую субботу, но так и не могли найти ни старинный павильон, ни старые рельсы. Хотя нашли пару специальных сбрасывающих острых. Такие системы применяли, чтобы пустить вагон под откос и избежать ещё более страшной аварии.

Вечером мы сели размышлять на трамвайной остановке.

— Юки, мне кажется, мы с тобой зашли в тупик.

— Кайто, я почему-то думаю, что мы сегодня, пройдя весь центр города, сделали для себя много открытий.

— Юки, с этим спорить не буду, город у нас действительно красивый.

— Но вот задача, Юки: как же трамвай может ехать без рельсов и контактного провода? Ему же нужна электроэнергия.

— Кайто, не всегда. Ты что, забыл? Первые трамвайные вагоны тащили за собой лошади. Тогда это называлось конка.

— Юки, а ты прав! Если есть направляющие и тяговая сила в виде лошади, значит, трамвай можно перетащить на вполне приличное расстояние, а то и через весь город.

— А если добавить пару лошадей, то и в горы поднять. Если вагон тащили без пассажиров. И даже если там были пассажиры, мне кажется, пара или тройка лошадей вполне могла с этим справиться.

— Теперь мне уже кажется, что тут всё тщательно было спланировано.

— Да, но лошади, которые в центре города тащили бы трамвай, — это было бы очень заметно. А вот если это за городом, скажем, в отдалённом парке или в горах у озера...

— Кайто, помнишь на той картине были листья лотоса? Это растение растёт у воды. Скорее всего, этот павильон будет рядом с горным озером. Там слабо освещено, и поздно вечером в том районе будет мало народу, тем более что в тот вечер было достаточно прохладно.

— Я думаю, нам завтра нужно отправиться к горному озеру. Дорога к нему как раз идёт через парк.

— Вот только если мы будем подниматься в горы, то мне кажется, у нас уйдёт на это целый день, мы можем не успеть вернуться домой. Что мы скажем домашним?

— Давай я скажу, что мы отправимся к моему двоюродному брату Сато. Я его предупрежу, чтобы он позвонил вечером моей маме и сказал, что мы добрались до него. Так нас не будут разыскивать.

Утром, часов в десять, мы встретились у моего дома и отправились в горы. До городского парка мы доехали на трамвае, там же решили внимательно осмотреть рельсы, пройдя мимо парка.

— Кайто, смотри — сбрасывающий рельс, — сказал Юки, указывая на рельсовую стрелку.

— Юки, но тут чугунная ограда.

— Кайто, приглядиись внимательно: это не просто чугунная ограда, это чугунные ворота. Здесь есть петли, а значит, эту створку можно открыть.

— Ты прав, Юки. Значит, скорее всего именно здесь трамвай могли вывести с рельсов. И если приглядеться к тропинке, то расстояние от одного бордюра до другого равно ширине рельсов. Значит, трамвайный вагон мог спокойно ехать дальше, как по направляющим.

— Да, Кайто, и его тащили лошади. Теперь нам осталось лишь пройти по этой тропинке и понять, куда в итоге она нас приведёт.

Глава 5. Тайна горного озера

Лес вокруг казался живым. Каждое дерево, каждая тень, каждый случайный шорох заставляли сердце биться чаще. Тропа, которую мы нашли, вела нас всё дальше от привычного мира, и чем глубже мы уходили, тем явственнее становилось ощущение, что мы ступили на чужую, тщательно охраняемую территорию.

Мы шли... и шли... и у нас было ощущение, что эта тропинка никогда не заканчивается, а порой начинало казаться, что мы словно ходим по кругу. Внимательный Юки уверял, что мы всё ещё идём в одну сторону. Пару раз мы останавливались, чтобы передохнуть, так как тропинка начинала подниматься в гору.

И вот уже начало смеркаться... однако мы так и не нашли пропавшего трамвая. Вокруг нас были густые деревья, за их кронами становилось всё темнее и страшнее.

— Фонарей нет, — заметил я. — Юки, ты же взял фонарики?

— Конечно. Помоги достать их из рюкзака.

— Юки, сколько уже времени?

— На моих часах сейчас 19:00. Скоро будет темнеть быстрее. Я, конечно, надеюсь, что эта тропа нас всё же куда — то выведет.

Ещё около получаса мы шли, уже освещая свой путь фонарём, как вдруг наткнулись на заброшенный мост в форме арки. Всё вокруг было затоплено водой.

— Как же нам быть дальше? Наша тропинка скрывается под водой.

В этот момент Юки взял камень и бросил его. Камень ударился о брусчатку под водой и отскочил.

Я же сделал несколько зарисовок, расположение и всё, что нас окружало вокруг — Если мы когда-нибудь вернёмся сюда с полицией, этот рисунок поможет им всё найти.

— Я думаю, эта вода тут специально, чтобы замести следы. Нам нужно взять палку и простукивать тропинку впереди себя. Так мы не собьёмся с пути.

Мы пошли по воде, простукивая длинной тростью впереди себя, чтобы убедиться, что там безопасно. Пройдя так примерно минут тридцать, мы наткнулись на ещё одну старую каменную арку. Но привлекло наше внимание то, что на ней работал одинокий фонарь.

— Юки! — воскликнул я. — Смотри, тут есть фонарь. Значит, есть электричество. Несмотря на темноту, мне кажется, нам нужно продолжить наш путь дальше.

— Кайто, я полностью согласен. Идти вместе с тобой мне не страшно, не то, что, если бы я был тут один.

В этот момент я улыбнулся. Мы переглянулись и пошли всё так же осторожно дальше.

— Юки! Смотри, смотри! — радостно закричал я, когда увидел в очередной арке красный трамвай. — Мы нашли его!

— Кайто, нужно подойти ближе. Ты уверен, что это именно тот трамвай?

Мы подошли ближе, и я стал пристально рассматривать трамвайный вагон. На нём отсутствовал бортовой номер, вся краска была старая, следов свежей краски не было — значит, этот вагон давно не перекрашивали.

Двери в трамвай были закрыты. Пантограф поднят к проводу. Свет в вагоне горел. Трамвай уже стоял на рельсах, однако ни пассажиров, ни вагоновожатого, никого, кроме нас, не было. Становилось жутко интересно и страшно одновременно: веяло холодом, вокруг сгустился туман.

— Судя по твоему взгляду и выражению лица, Кайто, это явно не тот вагон, который мы искали, — с разочарованием сказал Юки.

— Да, Юки, ты прав. Однако мы проделали такой путь не зря. Мы нашли с тобой тайный ход, и нам нужно разобраться, что тут происходит. Раз уж мы дошли сюда.

— Кайто, смотри: этот трамвай стоит словно в тупике. Впереди него рельсов нет, а вот позади уже есть. Мне кажется, нам нужно отправиться по рельсам дальше и посмотреть, куда они нас выведут.

— Да, — кивнул я уверенно головой.

Так наше путешествие продолжилось. Теперь мы шли уже по рельсам, вокруг них была вода и туман.

На картине было озеро. Возможно, это его вода окружает это место — такой вывод я сделал тогда.

Мы шли по рельсам, по нашим ощущениям, минут двадцать — тридцать, когда дошли до туннеля. Этот туннель больше всего напоминал вход в своеобразный бункер. В тот момент наше любопытство затмило страх, и мы уверенным шагом пошли в темноту, освещая путь фонарём.

— Юки, я как — то читал, что есть такие туннели, в которых поезда ходят под землёй — метро, и у меня складывается ощущение, словно я попал в такой туннель метро.

— Кайто, ты сказал мою мысль вслух. Я тоже только сейчас об этом подумал.

Как только мы произнесли эту фразу, в туннеле зажёгся мерцающий свет. Это были небольшие лампочки аварийного освещения. Словно кто-то услышал наши шаги и разговор.

И тут перед нами предстал ещё один трамвай. Нашему изумлению не было предела.

Мы быстро подбежали к нему и стали внимательно рассматривать.

— Юки, смотри: тут свежая краска. Она закрывает цифры бортового номера трамвая. Я уверен, что это тот самый пропавший вагон.

В этот момент раздался уверенный мужской голос:

— Это вас прислал господин Танака Хидэки? — сказал незнакомец.

Мы обернулись и увидели молодого парня в костюме дворецкого.

Видимо от страха, но я в тот момент с уверенностью сказал: «Да, это мы». Хотя совершенно не понимал, о чём дальше пойдёт речь.

— Я представлял вас иначе, ну да ладно, спорить с господином Танака не моего ума дело. Заходите в кабину и ждите там. Скоро придут пассажиры, я вам дам знать, когда отправляться.

Незнакомец подошёл к водительской двери и открыл замок, висящий на ней, ключом. Мы быстро зашли внутрь кабины. В кабине было тепло и уютно. Я сразу заметил, что вагон немного переделали: в кабине были сняты зеркала, пространство между водителем и пассажирским салоном было наглухо закрыто. Таким образом, мы не могли видеть, кто садится в вагон, а значит, не знали, кого и куда мы будем везти.

Минут через десять ожидания мы услышали, что незнакомец стал кого — то приветствовать, и, судя по покачиванию вагона, в трамвай сели пять или шесть человек.

Тут незнакомец постучал к нам в водительскую дверь и скомандовал:

— Отправляемся.

Я плавно потянул ручку контроллера в положение «ход» и почувствовал, как вагон тронулся с места.

Сердце билось очень сильно, руки в тот момент мгновенно стали холодными. Мы переглянулись с Юки.

— Юки, следи за дорогой, чтобы никто не выскочил, — сказал я ему с дрожью в голосе. — У нас с тобой явно необычные пассажиры, надо, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Да, Кайто, — сказал мне Юки с такой же дрожью в голосе.

Чем дальше мы ехали, тем гуще становился туман. Рельсы были старыми, при движении вагон то и дело покачивало из стороны в сторону.

Единственное, что меня радовало в тот момент, — это отсутствие машин, пешеходов и светофоров. Мне не приходилось тормозить вагон. Мы ехали примерно со средней скоростью около сорока километров в час.

И вот вдаль стал виднеться тот самый павильон, который мы увидели сначала на гравюре и который так долго искали в центре города. Оказалось, что этот уникальный павильон находился на вершине горного озера. И таких озёр на этой горе было два: нижнее и верхнее.

Про нижнее озеро многие знали, сюда часто ходили и водили туристов, а вот о существовании верхнего горного озера многие не знали ввиду его труднодоступности. Сюда очень редко ходили туристы, к тому же оно находилось в особой заповедной зоне, куда не всех пускали. Поэтому многие современные жители и не знали о его существовании.

Та дорога, по которой мы шли, была особой тропой для научных работников, которые изучали местную флору и фауну. Однако научный институт в 1885 году был расформирован, а его головной корпус теперь находится в другом городе. Поэтому и трамвайное движение здесь было приостановлено.

Однако сейчас мы управляли трамваем и, следовательно, ехали к его конечной остановке и павильону «Тиёда».

Подъезжая к павильону, я плавно затормозил вагон и открыл двери для выхода пассажиров. Когда все вышли, снова прозвучал голос незнакомца:

— Отправляйтесь до тупика и ждите там.

Я закрыл двери и вновь потянул ручку контроллера. Трамвай начал движение, и мы продолжили ещё около двух километров, пока не достигли тупиковой зоны.

Туман рассеивался, и на небе появилась полная луна. Вокруг стояла ночная тишина.

Мы молча сидели в вагоне, выключив свет, чтобы не привлекать внимания. Рядом с нами на втором пути стоял ещё один такой же вагон — пустой, без пассажиров и вагоновожатого. Скорее всего, это был запасной или резервный вагон.

— Кайто, как ты думаешь, кто эти люди, кто наши пассажиры?

— Мне кажется, это какие — то влиятельные люди.

— И что же они делают в такое время в лесу, в старом павильоне? И зачем такая скрытность?

— Значит, здесь не всё чисто. И самое ужасное, что мы теперь втянуты в это. Мы даже не можем никому рассказать, что нашли пропавший трамвай.

— Да, я это уже понял. В тот момент, когда ты сказал, что ты новый вагоновожатый.

— А что мне оставалось тогда делать? Рассказать ему, что мы ищем пропавший трамвай? Неизвестно, как бы он тогда отреагировал и что сейчас было бы с нами.

— А что теперь будет?

— Не знаю. Но мне кажется, что за нами придут, чтобы мы развезли почётных гостей. Время уже ночь, я думаю, они будут расходиться к рассвету.

— Если мы только к утру освободимся, а потом ещё полдня будем идти, спускаясь с горы домой, во сколько же мы попадём домой? И как будем объяснять домашним, где мы были все выходные?

— Пока не знаю. Но сейчас, пока нас не трогают, нужно набраться сил.

— Как же ты собираешься это делать?

— Спать. Я не думаю, что ночью они будут нас дёргать.

— Хорошо. Тогда я буду тебя охранять, а потом ты меня. Будем дежурить.

Ночь сгущала краски. Луна тоже постепенно двигалась по ночному небу. Я немного задремал, пока Юки меня охранял. Мне показалось, что я провалился в сон — ведь за день мы очень сильно устали. Как оказалось, Юки тоже задремал, как только уснул я.

Разбудил нас трамвайный звонок с соседнего вагона. Мы резко вскочили и увидели, как в соседнем трамвае зажёгся свет, и он тронулся с места.

Глава 6. Тени прошлой ночи. Возвращение в школу

Утро после такой ночи казалось нереальным. Где-то там, в горах, остались тайные пассажиры, загадочный дворецкий и старый трамвай, который не должен был существовать. А здесь, в городе, начинался обычный день — с уроками, звонками и строгими взглядами учителей. Мы с Юки чувствовали себя чужими в этой обыденности, словно переступили черту, за которой нет возврата.

Разглядеть, кто был на месте вагоновожатого, у нас не получилось. Однако в тот момент мы оба поняли, что скорее всего нас тоже скоро попросят отправиться за нашими «тайными пассажирами».

Минут через пятнадцать к водительской двери стал кто-то подходить. Лица его не было видно, так как зеркал заднего вида не было. Голос незнакомца скомандовал нам:

— Отправляйтесь, вас уже ждут.

Я включил тумблер, в трамвае зажёгся свет, потянул ручку контроллера в положение «ход», и трамвай отправился из тупика. Подъезжая к павильону, я увидел красные китайские фонари, однако людей у выхода не было.

Таким образом, мы не могли узнать, кто будет садиться в трамвай. Я затормозил вагон, открыл двери. Через пять минут слышались голоса. Затем по характерному движению стало понятно, что к нам зашли пассажиры. И вновь голос незнакомца скомандовал нам:

— Отправляемся.

И мы по тому же маршруту отправились до туннеля. Остановив вагон на конечной остановке, я открыл двери. Пассажиры вышли, а мы с Юки оставались в кабине.

— Кайто, мне кажется, что все вышли. Теперь мы тоже можем выйти.

— Хорошо.

Я выключил на панели свет и погасил свет в салоне трамвая, опустил пантограф, и мы вышли из кабины.

В туннеле уже не было ни одного пассажира. Мы с Юки направились по тому же пути, каким пришли сюда, стараясь не разговаривать друг с другом, чтобы наши голоса не привлекли внимания.

Однако в этот самый момент снова прозвучал голос того молодого дворецкого.

— Вас подвезти до города? А то так вы лишь к вечеру доберётесь.

Мы обернулись: за нами стоял тот же дворецкий, что встретил нас здесь.

— Да, мы будем очень признательны, — ответил ему Юки.

— Тогда следуйте за мной.

В этот момент он обошёл вагон и открыл металлическую дверь в техническое помещение в туннеле. Там была лестница, ведущая вверх.

Мы последовали за дворецким и, поднявшись по лестнице, вышли наверх. Перед нами открылся совершенно прекрасный утренний горный пейзаж с густым лесом и дорогой. У дороги стоял чёрный автомобиль. Дворецкий открыл нам двери, мы запрыгнули в машину, сам он сел за руль и достаточно быстро поехал вниз по дороге.

— Я могу высадить вас у маяка?

— Да, это будет прекрасно, — сказал я.

В этот момент дворецкий включил в машине диск с джазовой музыкой, и всю дорогу мы ехали молча.

Раньше я никогда не знал, что есть такая дорога. Было такое ощущение, что она огибала наш город. Минут через двадцать езды по горным ухабам мы выехали на ровный асфальт, где дворецкий прибавил скорость, да так, что уже через час мы оказались на окраине города, у маяка.

Он остановил машину, и мы вышли, поклонившись ему.

— Как хорошо, что он нас подвёз до города.

— Да, если бы мы возвращались нашим первым маршрутом, то пришли бы только к вечеру. А так на часах было семь утра. Это значит, что мы можем успеть в школу, и никто не заподозрит нашего отсутствия.

Мы сели на первый трамвай и отправились в школу несмотря на то, что в наших сумках не было учебников и тетрадок.

— Так учебники можно спросить в библиотеке. Я думаю, госпожа Ямагучи Ханамидёт в наше положение, когда мы скажем ей, что нашли пропавший трамвай.

— Мы же договорились, что будем молчать.

— А мы и будем. Мы же не будем рассказывать ей все подробности.

— Нет. Я думаю, рассказать кому-то, даже госпоже Ямагучи, — это плохая идея. Так человек невольно становится свидетелем.

— Думаю, нужно спросить учебники у разных одноклассников, а чистые тетради попросить у разных учителей. Так будет не слишком заметно.

— А у меня в шкафчике есть запасная спортивная форма. Нужно будет надеть её. Первым уроком у нас физкультура. Госпоже Ямагучи мы скажем, что вчера случайно испачкали нашу основную форму и её пришлось застирать, но к утру она не успела высохнуть. Поэтому мы сегодня в физкультурной форме.

Добежав до школы, мы были молчаливы как никогда. Некоторые из одноклассников раз пять меня спросили, всё ли у меня хорошо. Я пытался улыбаться, но моё задумчивое выражение лица говорило об обратном.

Юки целый день пытался шутить и рассказывать анекдоты, однако его лицо и взгляд тоже выдавали какую-то необыкновенную озабоченность какой-то проблемой.

Уже после школы мы шли вместе домой.

— Ужас, я думал, что не выдержу этот день...

— Согласен с тобой, Кайто... я думал, что сойду с ума, рассказывая старые анекдоты.

Выйдя из школы, мы увидели, как промчались несколько пожарных машин.

— Кайто, что-то горит. Бежим смотреть?

— Хорошо.

И мы отправились бегом за пожарными автомобилями.

Глава 7. Книга в пепле

Пожарная сирена ещё звучала в ушах, когда мы поняли: это не случайность. Горел тот самый трамвай, на котором мы ночью возили тайных пассажиров. Кто-то очень хотел стереть все следы. Но, как часто бывает, одна маленькая деталь уцелела в огне, и эта деталь могла стать ключом ко всему.

Пожар был на территории трамвайного депо. На улице скопилось много зевак, и внутрь никого не пускали. Сотрудники полиции перегородили дорогу и пропускали только службу пожаротушения.

К гражданам вышел начальник пожарной охраны:

— Товарищи, пострадавших нет. Горел старый вагон после неудачного ремонта. Виновные будут наказаны. Просим вас всех разойтись. Не мешайте работать специалистам.

Услышав, что жертв и пострадавших нет, а судя по белому дыму, поднимавшемуся от трамвайного депо, стало понятно, что подразделение пожарной охраны сработало оперативно. Толпа зевак начала постепенно расходиться.

Расходились все, но только не мы. Нам было жутко интересно узнать, какой трамвайный вагон пострадал. Ещё хотелось понять, будет ли отличаться официальная версия от реальной.

Ведь нам стало ясно: не так часто выходит сам начальник пожарной части, чтобы озвучить причину пожара. Значит, они явно хотят что-то скрыть.

Мы стали дожидаться того момента, когда сотрудники пожарной охраны начнут сматывать пожарные рукава.

В этот момент мы оба подбежали к сотрудникам.

— Разрешите, мы вам поможем. «Мы волонтёры дружины юных пожарных», — громко и уверенно сказал Юки.

— Да, конечно, мы будем вам благодарны, — ответил уставший пожарный.

— Пропустите их, они наши помощники, — крикнул он сотруднику полиции. В ответ тот кивнул головой.

И мы с Юки побежали ближе к трамвайному вагону, чтобы начать скатывать пожарные рукава, находившиеся ближе всего к очагу возгорания.

Вдруг нас заметил начальник городской пожарной охраны.

— Это что за посторонние тут? Что за бардак у вас тут!

— Это наши волонтёры, они из школьной команды дружины юных пожарных. Вот пусть тренируются сматывать рукав, — ответил пожилой сотрудник, который хорошо знал моего отца.

— Ну тогда смотрите за ними в оба — поручаю их вам, — грозно сказал начальник.

— Хорошо. Я их уже давно знаю. Они хорошие парни. Всегда нам помогают, — продолжал заступаться за нас господин Танака.

— Понял, понял вас, господин Танака. Что, уже подрастающую смену себе готовите?

— Конечно, генерал, мне уже скоро на пенсию. Я уйду, а кто-то же должен готовить и гонять эту молодёжь.

Генерал улыбнулся и отправился дальше.

Мы облегчённо выдохнули и продолжили скатывать рукава, а сами разглядывали то, что осталось от сгоревшего трамвая.

Благодаря нашей помощи они достаточно быстро собрались. И вот уже несколько машин уехали обратно в пожарную часть.

Оставалась одна машина, где сидели пожарные инспектора. Именно они должны были теперь обследовать вагон, чтобы выявить причину пожара. Теперь настал мой черёд проявить инициативу.

Я подошёл к пожарному автомобилю и сказал:

— Господин пожарный инспектор, мы можем вам чем-то помочь? Мы волонтеры добровольной пожарной дружины школы «Сэйун». Нам интересно, что могло стать причиной пожара: короткое замыкание или человеческий фактор?

— Пока ещё рано делать точные выводы. Но одну из версий вы угадали точно: короткое замыкание может запросто стать причиной того, что старый трамвайный вагон загорелся. Сейчас его корпус почти полностью выгорел. Несмотря на то, что наши сотрудники приехали достаточно быстро... Сотрудники сказали, что заметили возгорание в 16:30, пока они позвонили, мы были на месте уже в 16:40. К этому времени уже горела большая часть трамвая. Я не думаю, что им удастся восстановить этот вагон. Пойдёмте посмотрим ближе.

Мы вместе с инспектором подошли к сгоревшему трамваю.

— Смотрите, будьте аккуратны. Корпус ещё может быть очень горячим. Старайтесь ничего не трогать, только смотреть.

— Хорошо.

Инспектор начал более внимательно осматривать вагон.

— Так, мне понадобится схема его электрической проводки, чтобы детально её изучить.

— Основной силовой кабель находится под вагоном, — сказал Юки. — От него расходятся два пучка проводов: один — на кабину, второй — под тележку, где основной мотор и соленоиды.

— Да у меня тут целая ходячая трамвайная энциклопедия! — улыбнувшись, сказал инспектор. — Так мне даже становится интересно, что ещё ты можешь рассказать?

— Чаще всего шлейф дыма и едкий запах в трамвае появляются в результате выхода из строя растормаживающих соленоидов. Дело в том, что колодки затормаживаются пружинами, а растормаживаются с помощью соленоидов, которые, к сожалению, имеют свойство не срабатывать. Иногда можно заметить, как вагоновожатый с «прутком» (ломиком) выбегает, чтобы обнаружить неисправный соленоид и растормозить колодки вручную, путём поднятия крючка или опускания рычага, в зависимости от конструкции колодочного тормоза.

Работа с одним неисправным соленоидом допускается, так как на каждую колёсную пару работает свой соленоид и своя система колодочного тормоза, но только в том случае, если оставшиеся колодки удерживают трамвай на уклоне.

От сказанного у инспектора отвисла челюсть.

Юки продолжил:

— Я езжу на трамвае самостоятельно с пяти лет. Конечно, я общаюсь с водителями и многое уже знаю о конструкции и особенностях вагонов.

— М-да... а я тут хотел за главным инженером идти, а у меня тут два своих инженера.

Мы зашли в трамвайный вагон. В вагоне стоял специфический запах после пожара. На полу ещё было достаточно много воды. Инспектор прошёл по вагону, затем заглянул под сиденье. Под одним из них лежала старая книга в плотной обложке. Инспектор поднял её и раскрыл.

Это был старый учебник по игре в Го. Из-за огня часть книги была обуглена, большая часть залита водой. На книгу было жалко смотреть — настолько сильно она пострадала.

— Да, хорошо, что здесь нет пострадавших. Пламя было достаточно сильным. Возможно, из-за того, что трамвай недавно красили: краска ещё не успела до конца хорошенько высохнуть, поэтому достаточно быстро начала гореть.

— Значит, это не замыкание. Скорее всего, это чья-то халатность. Я допускаю, что эти разгильдяи отвлеклись, когда красили вагон, — сказал я настолько грубо и уверенно, словно в тот момент был директором трамвайного депо и хотел найти виновного.

— Это вполне возможно. Для того чтобы выяснить, насколько новой была проводка в этом вагоне, мне нужно будет... — инспектор не успел договорить фразу, как Юки сказал:

— Она была новой. Её меняли ещё прошлым летом. Тогда вагоны этой серии прошли капитальный ремонт, и всем им поменяли проводку. Об этом даже была статья в газете, потому что на это потратили хорошую сумму из городского бюджета.

Удивлению инспектора не было предела.

— Да, мне говорили, что у нас есть талантливая молодёжь. Теперь я в этом не сомневаюсь. Значит, если проводку меняли, версия с неаккуратным обращением с огнём выходит на первое место. Думаю, теперь этим делом уже должна заняться полиция.

— Господин инспектор. Разрешите нам забрать книгу. Это очень редкое издание. Возможно, нам удастся её высушить, а наша школьный библиотекарь, госпожа Ямагучи Ханами, сможет сохранить какие-то из её листов для будущих любителей игры в Го.

— Госпожа Ямагучи всё ещё работает в школе «Сэйун»? — поинтересовался инспектор.

— Да, она работает. Вы её знаете?

— Конечно. Раньше она была нашим классным руководителем. Я учился в школе «Сэйун» и был её выпускником. Обязательно передайте ей от меня привет. Я думаю, она меня вспомнит.

— Конечно! Мы обязательно это сделаем! С вами было очень круто. Спасибо вам, господин инспектор.

Мы поклонились, забрали с собой старую книгу и молча вышли из трамвайного депо, стараясь больше не привлекать внимание.

Как только мы вышли из депо, нам захотелось куда — то убежать, чтобы нас никто не слышал, и мы смогли бы обсудить последние события.

— Давай дойдём до маяка. Там есть очень уютное кафе с уличной верандой. Я не думаю, что сегодня, в понедельник, там будет много народу. Мы сможем перекусить и всё обсудить.

Нам принесли горячее, и мы с большим удовольствием стали есть.

— Итак, Юки, я думаю, что это дело становится всё более интересным и уже даже опасным. Я, конечно, понимаю, что версия о том, что трамвайный вагон загорелся в тот момент, когда двое рабочих не соблюдали меры пожарной безопасности во время его покраски, достаточно состоятельная, но найденный учебник по игре в Го лишь подтверждает тот факт, что это тот самый трамвайный вагон, на котором мы сегодня с тобой ночью возили тайных пассажиров в павильон.

— Да, Кайто, я тоже заметил это сходство. Но зачем им понадобилось сжигать трамвайный вагон? Ты думаешь, они что-то заподозрили? Или выяснилось, что мы были подставными водителями? Значит, теперь мы свидетели, которых могут заставить замолчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.